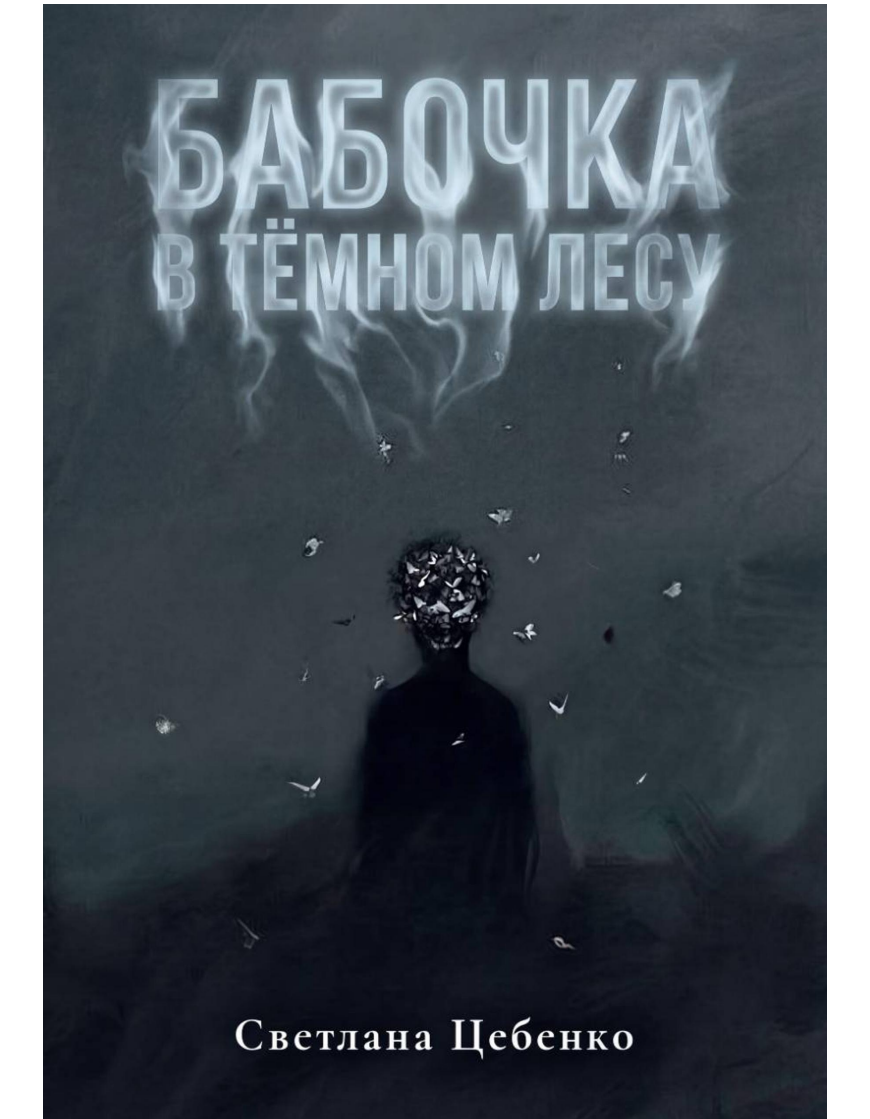

БАБОЧКА В ТЁМНОМ ЛЕСУ

Светлана Цебенко

Светлана Цебенко

Бабочка в Тёмном Лесу

<https://litres.ru/73806546>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетняя Маша остаётся одна в деревенском доме на всё лето. Вместо беззаботных каникул её ждёт тишина, старые тайны и странные знаки, которые начинают преследовать её повсюду. Сердца, появляющиеся из ниоткуда, становятся началом цепи загадочных и пугающих событий.

Местные жители суеверно сторонятся Тёмного Леса, а парня-лесоруба считают проклятым. Но чем глубже Маша погружается в деревенские тайны, тем яснее понимает: настоящее зло не в лесной чаще, а в тех, кто живёт рядом. Кто оставляет жуткие послания у её дома? Кто пытается запугать её до отъезда? И почему вся деревня хранит молчание о том, что случилось много лет назад?

Когда поиски правды оборачиваются ловушкой, Маше предстоит не только разгадать мрачную тайну прошлого, но и понять, что единственный, кому она может доверять - это тот, кого все считают монстром. Лето, начавшееся со страхов и предзнаменований, станет временем жестоких открытий, первой любви и проверки на прочность настоящей дружбы.

Содержание

Пролог	4
1. Новость	5
2. Неожиданный поворот	9
3. Карты не врут	23
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Бабочка в Тёмном Лесу

Пролог

В нашей деревне все боялись Тёмного Леса. Шептались, что там водятся духи, что оттуда не возвращаются. Но лес молчал. Это люди кричали.

Я думала, что знаю этот мир. У меня были друзья, было лето, были планы на будущее. А потом пришло письмо из Москвы, и всё, что я считала незыблемым, рухнуло.

Я осталась одна в пустом доме, уверенная, что это моя маленькая победа. Я не знала, что самое страшное — это не одиночество. Самое страшное — это не видеть, что творится у тебя под носом. Не замечать, как близкий человек смотрит на тебя с такой ненавистью, что готов уничтожить.

И не понимать, что единственный, кто может тебя спасти, это тот, кого вся деревня считает монстром.

Всё началось не с леса. Всё началось с нас.

1. Новость

Последние учебники с глухим стуком упали в ящик приёмного пункта библиотеки. Девятый класс — позади. Я выбежала на крыльцо, вдохнула полной грудью воздух, пахнувший свободой и нагретым асфальтом, и рванула домой. Впереди — целое лето. Наши с ребятами планы занимали все мысли: ночные костры у реки, поход за ягодами в дальний лес, может, даже сплав на старой лодке. Я уже почти добежала до калитки, когда заметила припаркованный у соседнего забора потрёпанный автомобиль почтальона. «Странно, — мелькнула мысль. — Он же по утрам обычно ходит».

Я влетела в дом с криком: «Всё, я свободный человек!», но замерла на пороге. Воздух в комнате был спёртым и тяжёлым, будто его выпили до дна. Отец сидел за столом, сгорбившись над каким-то развёрнутым листом бумаги с печатями. Лицо его было землистым. Мама стояла у печки, но не готовила — просто сжимала и разжимала пальцы, глядя в одну точку. А на пороге в прихожей, будто немые укоры, стояли две наши самые большие дорожные сумки.

— Машенька... — голос мамы сорвался на шёпот. Она обернулась, и я увидела, что её глаза красные.

— Что случилось? — спросила я, и чувство эйфории мгновенно испарилось, сменившись леденящим предчувствием.

Отец медленно поднял голову. Взгляд его был усталым и каким-то отрешённым.

— Пришло письмо, дочка. Из Москвы. — Он провёл рукой по листу. — Тот самый контракт, о котором я говорил... его утвердили. Но есть условие. Нужно быть на месте и выйти на объект через три дня. Позвонить-то я, конечно, пытался, уточнить... — он горько хмыкнул, — Но связь, как всегда, ни к чёрту. Всё решает бумага.

— Какой объект? Какие три дня? — Я сделала шаг вперёд, не понимая.

— Работа, Маша. Работа, которая может нас всех вытащить, — отец говорил тихо, но каждое слово падало, как камень. — Годами копились долги. За дом, за ту же твою учебу... Я здесь, в лесу, до седых волос буду горбатиться и всё равно не выплачу. А этот контракт — это крупный проект в Москве. Год работы, но зарплата... такая, что единым платежом можно закрыть всё. Всё, Маш. И начать с чистого листа. Это единственный шанс.

— И... мы все? — я обвела взглядом сумки.

— Мы все, — твёрдо сказала мама, но голос её дрогнул. — Квартиру на первое время нам там уже подобрали. Ты же девятый закончила... как раз 10–11-й классы в хорошей московской школе сможешь окончить. Это же шанс и для тебя!

Слово «Москва» прозвучало как приговор. Оно не сулило шанса. Оно отнимало моё лето. Моих друзей. Всё, что было

моим миром.

— Нет, — вырвалось у меня тихо, а потом громче. — Нет! Я не хочу! Вы не можете вот так просто всё решить!

Начался тяжёлый, сбивчивый спор. Я кричала про обещания, про друзей, про то, что они всегда выкручивались. Родители твердили про единственный шанс, про долги, про будущее. Их аргументы были тяжёлыми и взрослыми. Мои — отчаянными и детскими.

И тогда, в самый пик ссоры, меня осенило.

— Оставьте меня! Хотя бы на лето! — выпалила я, цепляясь за эту идею как утопающий за соломинку. — Я останусь с бабой Зоей! Она мне как родная! Я буду помогать ей по хозяйству, буду под её присмотром! А осенью... когда вы там устроитесь, я приеду. Клянусь, буду вести себя идеально! И вы сэкономите, пока обживаетесь на новом месте!

Воцарилась тишина. Родители переглянулись. Взор отца смягчился на долю секунды — аргумент про бабу Зою и экономию был весомым, но тут же стал снова стальным.

— Баба Зоя... да, с ней мы хоть немного спокойны, — медленно проговорил он. — Хорошо. Условие одно. Баба Зоя будет заходить. Каждый день. Один косяк, Маша. Один — и мы за тобой. Без разговоров. Понятно?

* * *

Их объятия на прощание были короткими и какими-то

неловкими. Отец похлопал меня по спине, мама быстро поцеловала в макушку.

— Заедем к бабе Зое, всё обговорим, — сказал отец уже в дверях. — Держись, дочка.

Я кивнула, стараясь изобразить на лице уверенность и даже лёгкую улыбку. «Всё нормально, — казалось, говорила эта улыбка. — Я взрослая».

Дверь щёлкнула. Через минуту за окном взревел, закашлялся и стих вдали мотор. Тишина, которая накрыла дом, была не просто отсутствием звука. Она была материальной, густой, и в ней звенело.

Я обернулась, медленно скользя взглядом по стенам. Вот трещинка в форме дракона, вот защепка на обоях от старой кнопки. Моя крепость. Моя вселенная. Теперь — моя тюрьма на одно лето.

Улыбка сползла с лица. В горле встал ком. Я сделала глубокий прерывистый вдох.

— Ну что ж, — тихо сказала я пустому дому. — Раз уж это моё последнее здесь лето... оно должно быть таким, чтобы его забыть было невозможно.

2. Неожиданный поворот

Малиновка. Это не просто деревенька, это целое событие, запрятанное в самом живописном сердце Сибири. Людей тут — кот наплакал. Но в этой скученности есть свой дикий, первобытный шарм. Мы тут все — одна большая, шумная семья. Порой кажется, что если кто-то чихнул в одном конце деревни, то другой уже знает, у кого насморк и почему. Это, конечно, здорово, когда надо кому-то помочь, но вот дозвониться до собственных родственников, если они живут хотя бы в соседнем районе? Удачи тебе, мой маленький пилигрим. А про интернет я вообще молчу — это тут скорее легенда, чем реальность. Искать его, что искать единорога на просёлочной дороге.

В общем, к чему я это всё? Да к тому, что наша Малиновка — это как ожившая картинка из русской сказки, только с поправкой на реальность, которая может быть чуточку... потрёпанной. Заборы тут пьяно кособочатся, а дома — это сплошное дерево, пропахшее дымом и временем. А дороги? Ну, это если повезёт. Они вообще есть.

Но есть в этом свой подлинный, неистовый уют. Каждое второе (а то и первое) хозяйство — это целый мир: куры, гуси, свиньи, которые, кажется, знают тебя лично и требуют свою порцию уважения. И, конечно, огород! Наш маленький фронт борьбы за урожай, наша надежда на зиму. Поля во-

круг, бесконечные, золотые летом и серебряные зимой, манят своей тишиной. А леса... Они здесь такие густые, такие полные тайн, что кажется, из-за каждого третьего ствола вот-вот выскочит леший или, на худой конец, самый brutальный медведь. И вся эта красота, вся эта простота, вся эта неторопливая жизнь — это и есть наша Малиновка. Не идеальная. Нет. Зато настоящая.

* * *

— Эй, Земля вызывает Машку! Ты меня слышишь? — сладкий и настойчивый голос Сони выдернул меня из оцепенения.

Я вздрогнула, резко оторвав взгляд от пляшущих углей костра. Они гипнотизировали, уводя прочь от реальности.

— Что? — вырвалось у меня, и я повернулась к подруге.

Её огненные волосы колыхнулись. Она стояла, сложив руки на груди, брови были сведены в задумчивой складке. Даже стоя на месте, она будто пританцовывала — лёгкая, готовая в любой момент вспорхнуть. Каждое её движение было плавным, словно она не ходила, а парила над землёй. Мой взор зацепился за яркие вишенки на её белом платье. Интересный выбор для обычной посиделки, но в этом вся моя подруга.

— Я говорю, может, Серёжка будет проходить, надо бы его к нам привлечь! — на последних словах её взгляд потеп-

лел, веснушки рассыпались по щекам, а глаза вспыхнули зелёным огоньком.

Ну конечно. Это платье говорило само за себя.

— Ты серьёзно? — не удержалась я. — Если он и пройдет, то точно мимо.

Соня вспыхнула и тут же начала торопливо оправдываться.

— Вы хоть и соседи, но ничего о нём не знаешь! Вот, например, в прошлом году он нам дрова привозил. Я одна была дома. Вышел из кабины, весь взмокший, футболка на нём прилипла... — она мечтательно вздохнула, а Саввка, который подслушивал из темноты, фыркнул. Его лицо было щедро усыпано золотистыми конопушками, которые особенно ярко выступали на носу и щеках. Казалось, кто-то рассыпал по его коже горсть солнечных зайчиков и забыл стереть.

— И что? — поддразнил он. — Дрова как дрова.

— Да подожди ты! — шикнула Соня. — Он разгружал эти огромные поленья, а потом лоб рукавом вытер и говорит такой: «Куда разгружать-то? Прямо в сердце?»

Соня закатила глаза, изображая томление, и мы все не выдержали, рассмеялись.

— Ладно, смейтесь, смейтесь! — сказала она, но было видно, что это нисколько её не обидело. — А я говорю, он не такой, как кажется. Он сильный, красивый и молчаливый. И в этом его шарм!

Я собиралась её подколоть, но что-то скользкое и холод-

ное проползло по открытой коже руки, там, где я опиралась о землю. Я дёрнулась, с отвращением стряхивая гадкого червя. Позади раздалось знакомое злорадное хихиканье.

— На твоём месте я бы не двигался! — сквозь смех крикнул Саввка. — Говорят, они через кожу в мозг заползают!

— Саввка! Иди сюда, гаденыш! — Я вскочила, не столько от злости, сколько от омерзения. Этот мелкий чертенок знал о моей фобии! И за такое я готова гнаться за ним хоть до рассвета.

— Не обращай внимания, — раздался ровный, успокаивающий голос Андрея. Он деловито нанизывал сосиски на длинную палку. Его тонкие пальцы привычным жестом поправили очки, сползающие на переносицу. — Садитесь. Скоро будет готово.

Андрей сидел чуть поодаль, долговязый, с тёмными непослушными волосами, вечно падающими на лоб. Он то и дело откидывал их назад, но упрямая прядь снова лезла в глаза. Когда он поднял голову, в свете костра блеснули его шоколадные глаза — неожиданно тёплые для такого серьёзного лица.

Я тяжело опустилась на свое место, разжимая онемевшие пальцы. Саввка, почуяв, что буря миновала, осторожно подкрался к Андрею, явно ища защиты. Но мои мысли уже снова уносились в черную дыру.

Нужно сказать. Сейчас.

Пока я судорожно собиралась с духом, обдумывая слова,

Соня протянула мне кусок хлеба, а Андрей раскладывал поджаренные сосиски на потёртую пластиковую тарелку.

— Ребят, я осенью уезжаю. В Москву. — Голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Воцарилась тишина. Соня застыла с куском хлеба на полпути ко рту. Андрей перестал перебирать сосиски. Даже неуёмный Саввка притих.

Подруга очнулась первой. Её глаза округлились, а губы сложились в беззвучное «о».

— Москва?! — с восторгом сказала Соня. — Вот как. Круто! Первая выберешься из этой дыры.

Она засмеялась, но смех оборвался слишком резко. Я подняла глаза. Соня смотрела на меня, и в зелёных глазах плескалась обида. Она отвернулась к костру, обхватила колени руками.

— Мы же вместе хотели... — голос её дрогнул. — Нам ещё два года учиться. Я столько вкалывала, чтобы догнать тебя по учёбе, думала, что вместе поступим...

— Прости. Я и сама этому не рада, — прошептала я.

— Да ладно, — голос Сони снова стал звонким, но теперь в этой звонкости мне слышалась фальшь. Фальшь, которую я, наверное, просто не хотела замечать. — Это же Москва! Это шанс. Конечно, надо ехать.

Андрей, не глядя, снял сосиску с палки и положил мне на хлеб. Его пальцы на миг замерли, а затем он сильнее сжал палку, что та с треском лопнула.

— Неплохое начало для лета, — он поднял на меня взгляд и тут же отвел его, уставившись на треснувшую древесину. — Как бы печально не было, но хватайся за шанс. К тому же, мы ведь друзья. И расстояние — это лишь маленькая помеха.

— А я не хочу! — вдруг прорезал тишину тонкий, обиженный голосок Саввки. Он сидел, поджав тонкие губы, и смотрел на меня с упреком. — Москва... это далеко! Ты же не вернёшься? А с кем я тогда играть буду? — Его нижняя губа задрожала. — Не уезжай!

— Савва, ну что ты, — мягко покачала головой Соня, но в её голосе не было прежней лёгкости.

Маше же... ну, интересно там будет. Новое всё... — Она запнулась, ища слова. — Андрей прав. Несмотря ни на что, мы будем скучать и ждать звонка. Правда же?

— Правда, — еле слышно подтвердил Андрей, протягивая тарелку с сосисками Саввке. — Ешь. Переживёшь.

* * *

Мы ели молча. Саввка порой ёрзал, но при каждом укусе бутерброда замолкал. Аромат костра смешивался с прохладой речного воздуха. Я клевала свой кусок, чувствуя, как слова друзей вязнут во мне. Не той реакции я ожидала. Хотя ответ очевиден. Они видели будущее, я оплакивала прошлое.

Пламя костра постепенно съело толстые поленья, оставив

горку ярких, горячих углей, над которыми дрожал воздух. Время текло медленно, наполненное треском угольков и нарастающей ночной тишиной.

В нашей компании существует свой особый ритуал: каждое начало лета мы собирались здесь, на нашем любимом месте у самого берега реки.

А появилось это место для посиделок благодаря нашим землякам. Много лет назад предшественники обустроили эту уютную поляну, превратив её в идеальный островок для отдыха. Кто-то приносил крепкие доски, кто-то массивные, обтёсанные пни, которые служили удобными, хоть и неказистыми сиденьями. Но самым главным их вкладом, конечно же, стала глубокая, аккуратно выкопанная яма для костра, которая делала пламя не только красивым, но и безопасным.

Когда вокруг стало совсем темно, Андрей откашлялся. Его спокойный голос нарушил затянувшееся молчание:

— Время страшных историй. Кто первый?

— Я! — тут же выпалил Саввка. Его серые глаза загорелись азартом. — Знаю одну... про старый дом на окраине! Там, говорят...

— погоди, Савв, — перебила Соня, прищурившись на него в свете костра. — Ты точно хочешь? А то опять напугаешься сам, а потом... — Она многозначительно посмотрела в сторону тропинки. — Родители твои? Не наругают? Время позднее, а ты не дома.

Саввка на мгновение сник. По его лицу промелькнула

ть настоящего страха, быстрая и глубокая. Он потупил взгляд, ковырнул палкой землю.

— Не будут ругать, — пробормотал он не сильно уверенно. — И... они спят крепко. Не услышат.

Саввка встряхнулся, выпрямился, и его голос зазвенел возбуждением:

— Так вот! В этом доме сто лет назад... Нет! Двести лет назад жил старик... Колдун! — Саввка выпалил первое страшное слово, какое пришло в голову. — И был у него... хм... стеклянный красный глаз! Который видел души! И однажды...

Он продолжил тараторить. Его детский голосок то взлетал шепотом, то срывался на визг. Тени от костра, подхваченные его буйной фантазией, плясали на наших лицах. Они вытягивали носы, увеличивали глаза, делая улыбки зловещими. Соня ахнула и прижала руку ко рту, когда Саввка описал, как «стеклянный глаз зашевелился в темноте». Андрей слушал с привычным скептическим спокойствием, лишь изредка задавая уточняющие вопросы, которые заставляли Саввку лезть в ещё большие дебри вымысла и путаться: «С чего вдруг колдун боится солнечного света? Он же не вампир».

Я сидела, обхватив колени руками, и смотрела в огонь, не видя его. Слова Саввки долетали до меня обрывками, как шум с другой стороны стекла.

Вдруг сквозь пелену собственной тоски я осознала. Услышала нелепый ужас истории Саввки, его визгливый восторг

от собственных страшилок. Увидела, как Соня, внимательно слушала историю и съезживалась от его слов, но тут же рассмеялась над его путаницей. Заметила, как уголок губ Андрея дрогнул в сдержанной улыбке, когда Саввка, описывая «жуткий вой», сам невольно подвыл на луну, сиротливо висевшую над рекой.

В груди что-то сжалось — тепло и остро одновременно. Вот они — весёлый, вечно пакостный Саввка, который на самом деле боится собственных страшилок и постоянно дёргает свой золотистый локон. Соня — яркая, беззаботная, но готовая тут же поддержать. Андрей — спокойный, рациональный, но хранящий наши ритуалы. *И я.* Я — та, кому подарили целое лето. Здесь. С ними.

Я сама захотела остаться. И обещала себе, что лето будет незабываемым!

Я подняла голову. Тени костра всё так же плясали, но теперь они казались не враждебными, а частью чего-то нашего. Дорогого. Если уж уезжать — так с грохотом! Чтобы потом было что вспоминать в этой далёкой Москве. Чтобы они запомнили меня не плаксой, а Машкой, которую они знают.

— ...и тогда глаз вылетел из орбиты и ПОЛЕТЕЛ ПРЯМО НА НЕГО! — визгнул Саввка, вскакивая и тыча пальцем в темноту за моей спиной.

Обычно я бы вздрогнула, даже зная, что это дурацкая страшилка. Но сейчас хотелось подшутить.

— А-а-а! — заорала я, срываясь с пня. — Какой глаз?!

Где?! — Я с преувеличенным ужасом оглянулась туда, куда показывал Саввка, потом резко повернулась к нему. — Он уже у тебя на плече! Смотри! — я округлила глаза и протянула руку к его плечу.

Саввка вскрикнул не понарошку и шарахнулся вперёд, чуть не угодив в костёр. Соня завизжала от смеха, схватившись за живот. Андрей лишь фыркнул.

— Машка! — завопил Саввка, отпрыгнув на безопасное расстояние и чувствуя себя одураченным. — Нечестно! Я же тебе доверял. Теперь ты у меня в чёрном списке.

— Ага! — Я стояла, уперев руки в бока. Уголки губ сами потянулись вверх, и я не стала их сдерживать. — Кто следующий? — бросила я вызов, оглядывая друзей. — Андрей? Соня? Или я начну про... про тот самый *Тёмный Лес*? — я назвала самое жуткое местное место, от которого у них мурашки гарантированы.

— О-о-о! — загорелась Соня. — Давай про Лес! Савв, садись, не бойся, Машка же пошутила! — Она потянула его обратно к очагу, но Саввка как-то уже не спешил садиться. Он смотрел на меня с восторгом и в то же время с любопытством.

— Давай, Маш, — сказал Андрей. — Начинай.

Я вдохнула полной грудью. Ночной воздух был прохладен и густ, насыщен запахами дыма от нашего костра, влажной земли, успокаивающей реки, что несла свои воды совсем недалеко, и той едва уловимой, пьянящей свободы, что при-

ходит с наступлением темноты и возможностью быть далеко от взрослых.

Пламя, почувствовав мой настрой, вспыхнуло ярче, бросая причудливые тени на стоящие вокруг деревья. Атмосфера мгновенно стала куда более магической, наэлектризованной ожиданием. Я понизила голос до зловещего, но уже совершенно искреннего шепота, от которого холодок полз по коже.

— Хорошо, — мой голос стал низким, заговорщицким. Огонь костра будто присел, прислушиваясь. — Слушайте... И не говорите потом, что я вас не предупреждала. Нашу деревню многое связывает с Тёмным Лесом. Но есть одна история, самую суть которой стараются забыть.

Однажды, после недельного ливня, один мальчишка увидел у окна бабочку. Не простую — её крылья переливались от белого к чёрному. И ему почудилось, что она зовёт его за собой. Он вышел. Бабочка вела его сквозь хлябь, прямо к опушке Тёмного Леса. А там... там уже не было дождя. Только мрак и тишина. Мальчик шёл за манящим светом крыльев, пока не вышел на поляну. Посередине — пень. Бабочка исчезла. Как только он присел отдохнуть, корни ожили и сцепили его по рукам и ногам. Он кричал, но Лес глушил его голос. А потом из мглы выползли они. Сотни этих бабочек. Они облепили его с головы до ног, и сначала было щекотно, потом больно, а потом... он перестал чувствовать что-либо. Нашли его только наутро. Сидящим на том са-

мом пне. От него почти ничего не осталось. Говорят, его отец, не выдержав, побежал в лес искать сына и тоже не вернулся. А на том месте теперь стоит одинокая берёзка... странной, почти человеческой формы.

Я сделала паузу, собираясь с мыслями. Взгляд непроизвольно заострился в сторону темноты. Эту историю рассказал мне папа. Если других пугали волчком, который укусит за бочок, то меня пугали этим. Чтобы мой интерес туда пойти разом отпал.

— Жуть-то какая! — Соня прижалась ко мне, её дыхание стало частым.

Мне и самой стало как-то неуютно. Ветер, ласково шевеливший ветки, теперь подул с неоправданной морозной силой. На мгновение, когда один из углей, казалось, уже почти погас, мне почудилось, что он ярко мигнул, оставив в темноте призрачное сердце.

«Красиво...» — мелькнуло в голове.

Но я тут же переключилась на задачу — собрать вещи. В воздухе уже витала лёгкая паника, и мы, быстро переглянувшись, бросились упаковывать всё, пока Андрей делал самое нужное: отправился на реку за водой, чтобы окончательно потушить наш костёр, который, кажется, сам начал затухать раньше времени.

От речки до наших домов было рукой подать, всего каких-то десять-пятнадцать минут неспешной ходьбы. Выйдя на знакомую тропинку, мы остановились у перекрестка, по-

хожего на развилку дорог из сказки. Здесь, на этой тропе, наша маленькая компания когда-то, ещё в самом начале своих совместных летних приключений, придумала свою собственную поговорку.

«Если налево пойдёшь — там три дома найдёшь, направо пойдёшь — там два дома найдёшь, а если прямо пойдёшь — к Тёмному Лесу путь найдёшь!»

Я с улыбкой глянула на друзей, вспоминая, как мы тогда, будучи совсем детьми, искали смысл в каждом повороте. Очевидно, домов было куда больше, чем по этим намеченным дорогам, но зачем нам было говорить о других?

Андрей взял на себя роль старшего брата и пошёл провожать Саввку, пока тот не потерялся в темноте и не начал кричать от страха. А мы с Соней решили постоять ещё немного, обнимая друг друга, для придания уверенности.

— Ладно, хватит киснуть, — Соня вытерла нос и толкнула меня плечом уже без прежней игривости. — Родители не спросили — да, подвели. Но теперь ты либо будешь три месяца реветь и испортишь себе всё лето, либо...

— Либо что? — спросила я, глядя на лес.

— Либо оторвёшься с нами по полной, чтобы потом было что вспоминать! — в её голосе снова зазвенел привычный огонёк. — Мы бы на твоём месте уже план приключений составляли, а не страдали. Шанс, понимаешь? Устроить лето, которое войдёт в историю!

— Мне хотелось ещё побыть с вами... — не унималась я.

— А возьми меня с собой, — спокойно сказала она. — Я только у бабули спрошу.

— Хорошая идея. Если она будет против, то я тебя украду, — рассмеялась я, но тут же добавила. — Кстати, я же теперь одна дома. Из головы вылетело всем сказать. Так что, приходи завтра. И мальчишек с собой бери.

Подруга округлила глаза, её лицо осветилось удивлением, и она начала звонко тараторить, от чего в ночной тишине мне показалось, что мы привлекли чьё-то внимание, кто-то из темноты внимательно слушает наш разговор.

— И ты говоришь об этом только сейчас?! — воскликнула она. — Чего же мы тогда на речке сидели, как прибитые? Могли бы сразу к тебе пойти! Там же и Серёжа напротив живёт! Глядишь, с нами бы пошёл.

Я лишь закатила глаза на то, как сильно подруга хочет сблизиться с парнем.

Мы обменялись ещё парой фраз и разошлись по домам. Завтрашний день обещает приключения.

3. Карты не врут

Утренняя прохлада приятно щекотала кожу, когда я побрела на кухню. Чашка чая вернула меня к реальности. Взяв в руки керамическую кружку, я шагнула на крыльцо. Здесь, в этом уголке нашего скромного дома, стоял старый, но невероятно удобный стульчик, как будто ждавший меня. Кругом стояла такая тишина, что её можно было потрогать руками. Это была та самая тишина деревенского утра, которая обволакивала, умиротворяла и позволяла мыслям течь свободно. Наш низкий забор, покрашенный когда-то в зелёный цвет, теперь местами облез и был скорее символом, чем реальным препятствием. Он открывал вид на соседние дворы, не создавая ощущения враждебной отделенности.

Тишину разорвало кукареканье петуха. К нему тут же присоединился пронзительный лай соседской Жучки. И вот на фоне этих звуков из дома напротив с той стороны узкой, протоптанной между нашими участками тропинки вышел Сергей. Он неторопливо двигался к старому грузовику. Привычным движением швырнул бензопилу в кузов, и она легла точно на место, не задев бортов.

Как я слышала, год назад его отчислили за драку. С тех пор он только и делал, что рубил лес с отцом. Я знаю многих местных хулиганов. Но все они лодыри или вандалы. Если смотреть на Сергея, картина не складывается. Эта работа,

нелёгкая и сезонная, предполагала долгие часы в лесу, колку, погрузку, а затем продажу брёвен и поленьев местным жителям и дачникам, которые приезжали отдыхать подальше от городской суеты. И всем этим он занимался каждый день.

Сделав ещё один медленный глоток обжигающего кофе, я наблюдала за его ловкими, сильными руками. Он размеренно, без суеты закидывал в кузов инструменты. Несмотря на прохладное утро, Сергей был одет легко — в привычные спортивные штаны и чуть выцветшую серую майку, которая обтягивала его крепкие плечи. Я невольно задержала на нём взгляд, и вот он, уловив моё внимание, поднял голову.

Он коротко кивнул мне, и его обычный суровый взгляд на миг смягчился. Его волосы, совсем недавно коротко остриженные, ещё больше подчеркивали угловатость черт, придавая ему этакий хулиганский вид. Но, судя по всему, сам Сергей оставался совершенно равнодушным к этим клише во внешности.

Я ответила ему таким же коротким кивком и поспешила обратно в дом. Скорее всего, мои друзья ещё видели десятый сон. Поэтому решила позвонить родителям. Хотя бы попытать удачи. Дозвонилась я с третьего раза. Разговор оказался недолгим. Из-за связи в деревне и суеты в городе мы толком друг друга и не слышали. Несмотря на это, ласковый голос мамы пробудил во мне тоску, но показывать я это не решилась.

После «глухого телефона» мне захотелось перекусить. Ис-

печённые на скорую руку олады с запахом ванили и сгущённым молоком казались идеальным решением, чтобы поднять настроение себе и своим друзьям, когда они придут.

И тут я заметила на верхней полке серванта — старую, пыльную коробку. Там среди потёртых рисунков и новогодних игрушек лежала шкатулка, внутри которой была колода Таро.

Воспоминания нахлынули разом, как баба Зоя рассказывала о значениях старших и младших арканов. Но я её не слушала, лишь заворожённо наблюдала, как переливается позолота на лицевой стороне карт. Долго же мне пришлось позже упрашивать родителей, чтобы они мне её купили. И с тех пор она почти не покидала своего убежища.

Я даже пару раз тайком проносила её в школу — в прошлом году у нас с девчонками был настоящий бум. Мы прятались на задних партах и на переменах, затаив дыхание, тянули карты, пытаюсь разгадать, кто кому нравится и будут ли вместе Алина из параллельного класса и тот самый длинный кудрявый старшеклассник. Тогда-то меня и поймала наша физичка, Анна Викторовна. Она отобрала колоду с таким видом, будто я принесла на урок не карты, а зажигательную смесь. «Мария, нечего морочить голову себе и одноклассникам этой ерундой! — сказала она, пряча шкатулку в ящик стола. — Вот сдашь контрольную на «пять» — придёшь и заберёшь». Пришлось зубрить формулы, как одержимой. С тех пор я и оставила эти попытки, в школе находились дела

и поважнее.

Но сейчас, в этой атмосфере утренней тишины и ностальгии, мне захотелось обратиться к ним.

Деревянная шкатулка, лёгкая, с выжженными на крышке узорами, открылась с тихим скрипом. Внутри, уложенные аккуратно, лежали карты. Их обратная сторона была тёмно-красной, а посередине нарисовано подобие красного глаза, лицевая сторона обещала ответы на вопросы.

— *Расскажите, покажите, ничего в тайне не держите,* — прошептала я, тасуя колоду.

Вытянув три карты от себя, я разложила их на чистой поверхности стола. Каждый символ, каждый образ на карте вызывал ассоциации, заставлял думать, чувствовать.

В воздухе витал запах оладий, смешиваясь с едва уловимым ароматом старых карт и дерева. Мысли выстроились в чёткую, пусть и тревожную линию. Это было не просто гадание, а скорее медитация, способ самопознания, погружение в глубины собственного «я».

Внезапно тишину нарушил мягкий, но отчётливый стук в дверь. Кто-то осторожно, но настойчиво осведомился:

— Тук-тук! Есть кто жив-здоров?

Я вздрогнула, возвращаясь из своих размышлений, и обернулась на звук. На пороге стояла баба Зоя. В своём неизменном цветастом платье до пят и с седыми волосами, распущенными по плечам, она и правда смотрелась как ведьма.

— Здравсьте, баб Зой! — я бросилась к ней, обнимая креп-

ко. её тёплые объятия пахли сеном и сушеной мятой.

— Привет-привет, русалочка моя! — проворковала бабушка, похлопывая меня по спине. — Ну что, как тебе твоя взрослая жизнь? Надо полагать, друзей ждёшь, которые так и норовят заскочить на огонёк, верно? А тут я, старая карга, со своими порядками пожаловала.

— Да что вы такое говорите, баб Зой! — я с улыбкой отстранилась, приглашая её пройти глубже в дом.

Её избушка стояла на самом краю деревни, у кромки леса, и всё же она появлялась всегда вовремя, словно чувствуя, когда её присутствие необходимо.

— Садитесь, пожалуйста. Я как раз оладушки напекла, сейчас чайник поставлю.

Баба Зоя, придерживая край своего цыганистого платья, направилась к столу.

— Слышала, ты утром родителей дозванивалась, — заметила она, и в её глазах читалось не осуждение, а участие. — Связь тут, знаешь, не ахти. Если что-то будет нужно — приходи ко мне, через мой телефон и поговорим, и передадим всё, что надо. А пока что я им доложу, что жива-здорова, оладьи печёшь, — она притянула к себе карты, и её тусклые, чуть прищуренные глаза принялись изучать каждое изображение с особенным, въедливым вниманием. С каждой секундой её брови домиком всё сильнее сдвигались к переносице, что я сразу же приняла за дурное предзнаменование.

— М-да... — хмыкнула она и ткнула грязным пальцем в

карту. — Прогноз вроде бы и добротный, всё такое солнечное, гладкое. Но вот эта вот... — она взяла карту, изображение которой показывало тройку мечей, а они при этом вонзались в *сердце*, как я знала, символизировало неожиданный поворот или преграду, — Она, знаешь, не к добру, Машенька. Как будто предвещает, что ладно всё идет, да только где-то там нечистое тебя поджидает. Так и хочет полакомиться твоими бедами. Оно любит, когда ему сопротивляются, — вдруг добавила она, уставившись на меня своим остекленевшим взглядом. — От этого вкуснее, дитяtko.

Я отвернулась к чайнику, делая вид, что проверяю, кипит ли вода. Из холодильника достала баночку моего любимого клубничного домашнего варенья. И поставила лакомство на стол, присев напротив бабы Зои, ощущая, как её присутствие, вместе с запахом трав и свежей выпечки, наполняет комнату каким-то особенным, защищающим от любых бед теплом.

— Ну, рассказывайте, баб Зой, — начала я, чувствуя, как её взгляд, уже не сосредоточенный на картах, а внимательно изучающий меня, помогает мне настроиться на более открытый диалог. — Что там у меня? Вы же лучше меня видите, лучше чувствуете.

Уголки губ бабы Зои поползли вверх. Она медленно провела по мне взглядом, от макушки до пят, будто взвешивая.

— Вижу, душа моя... — в голосе бабы Зои появились знакомые мне нотки, предвещающие важный разговор. — Что

тебя, девочка моя, кто-то обманет. Да так сильно, что повлечёт за этим большую беду, — она снова кивнула на карту. — Чем больше захочешь разгадать тайну, тем больше в болото тебя затянет. Вот потому и суетится душа твоя, ищет чего-то.

Она взяла ложечку, зачерпнула немного клубничного варенья и не спеша поднесла её к губам.

— Не бойся этого, — продолжила она, смакуя сладость. — Страх — он как туман. Всё вокруг кажется неясным, стены двигаются, тропинки теряются. А если его раздвинуть, то видишь, что за туманом — просто куст шиповника, который, может, и колючий, да цветы у него — огонь. А теперь давай пятак, чтобы карты задобрить.

Я тут же подскочила с места и направилась за монеткой. Это важное правило, которое нужно соблюдать. У всего есть цена.

— Спасибо, что рассказали, — протягивая пятак, шепнула я.

— Спасибо, что показали, — приняв дар, шепнула в ответ бабушка. — Чего-то я засиделась. И не серчай на родителей. Так и вижу тёмный сгусток обид. Они любят тебя и хотят тебе только самого лучшего.

Я демонстративно закатила глаза и, улыбнувшись, пробормотала:

— Баба Зоя, вы как...

— Машка! Машка! Я пришла! — перебил меня знакомый голос.

Обернувшись, я увидела Соню с чёрным пакетом в руке.

— Ой, баб Зой, здравствуйте! Как ваши дела? Как ваш кот Черныш? — подруга по очереди нас обняла и села за стол.

— Привет-привет, лисичка. Да всё хорошо. Мышей ловит — и слава богу. Ладненько, — начала вставать бабушка. — Пойду я. Дом только не разгромите, а то знаю я вашу компанию.

— Постараемся! — в один голос ответили мы.

Мы проводили бабу Зою и вернулись на кухню. Подруга вывалила на стол из пакета сокровища: пачки чипсов со вкусом «краб», шоколадные батончики, бутылки с яркой газировкой. Параллельно с этим она, не отрываясь от процесса распаковки, увлечённо расспрашивала меня о гадании. Я пересказала ей всё — и про страх, и про карты, и про пятак. Соня, достав из пакета очередную порцию сладостей, лишь махнула рукой. В отличие от меня, подруга была совершенно не суеверной. Не верила ни в какие предсказания, гороскопы и прочие чудеса. Однако... был один маленький, но важный нюанс. Если новости, независимо от того, как они были получены, являлись для нее хорошими, то она тут же начинала верить в них безоговорочно, говоря, что это «самая настоящая судьба».

Я слушала её весёлый лепет, смотрела на разложенные на столе яркие пачки и пыталась улыбнуться. Но слова бабы Зои и холодок от карт сидели глубоко внутри, как заноза. Предсказание о беде и предательстве не было «хорошей но-

востью», а значит, для Сони его попросту не существовало. Я осталась со своим страхом один на один в этом внезапно ставшем слишком просторным и тихом доме. Чтобы заглушить нервозность, я включила телевизор. На экране мелькнули кадры «Сумерек» — очередной сказки про любовь и бессмертие. Ирония судьбы.

* * *

День неумолимо близился к обеду, окрашивая небо в мягкие, приглушённые тона. Дверь скрипнула, и в кухню ввалился Андрей. Он был выше нас всех — даже когда стоял у порога, его макушка почти касалась притолоки. Тёмная прядь снова упала на глаза, и он привычным жестом откинул её назад, поправив очки. В движениях сквозила неуклюжесть, но сегодня в ней чувствовалась какая-то новая робость.

— А где Саввка? — мой вопрос прозвучал скорее в пустоту, чем Андрею, ибо он уже входил с озабоченным видом, неся в руках дженгу.

— Его наказали. На домашний ответила его мама, сказала, что раз он почувствовал себя взрослым, то пусть и отвечает за свои поступки. Говорит, пока не поумнеет, будет дома сидеть, — Андрей сделал большой глоток газировки и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ну вот, сколько раз мы говорили ему, что это закон-

чится именно так! — Соня, приоткрыв новую пачку чипсов, цыкнула с осуждением, которое, впрочем, было смешано с некоторой долей удовлетворения. — И ведь до последнего сидит, надеется, что пронесёт, а потом — раз! — и на тебе!

Андрей коротко кивнул, поправляя очки. Я, однако, заметила, что они сидели на нём ровно. И это движение было скорее автоматическим жестом, чем реальной необходимостью.

Савва прибился к нашей компании лишь в прошлом году. С тринадцати лет на него нашла поразительная перемена: он принялся натягивать на себя кожу уличного хулигана, как плохо сидящий костюм. Эти прогулы, эта грубость — всё было таким наигранным, таким отчаянным криком «Смотрите, я взрослый!». Мы пытались объяснить, что взрослость не в этом. В ответ — лишь язвительная усмешка. Вскоре и родители его стали смотреть на нас с подозрением — видимо, решили, что их мальчика совращает дурная компания.

Чтобы развеять тоску, включили плейлист весёлых песен, который я скачала ещё зимой в школе (там куда лучше ловит интернет). Мы играли в дженгу, и каждый раз, когда кто-то ронял блок, раздавался радостный возглас или короткий смешок. Этот день мог бы тянуться бесконечно, утопая в звуках веселья. Но реальность, как всегда, безжалостно вторглась в наши фантазии. Первой спохватилась Соня, её лицо озарилось мягким светом дневного солнца, пробивающегося сквозь окно.

— Ребят, а мне, наверное, пора, — вспомнила Соня, бро-

сив взгляд на часы. Она изобразила комично-виноватую гримасу. — Бабушка просила помочь по хозяйству, а я тут просидела как сыч.

Андрей, сидевший напротив, кивнул. Его взгляд на мгновение задержался на ней — нежный и немного растерянный, — а затем он перевёл его на меня. В его глазах мелькнула тень улыбки, но она быстро исчезла, уступая место привычной сосредоточенности.

— Да, мне тоже надо по делам, — сказал он, слегка нахмурившись и поправив очки. — В библиотеку зайти, книгу вернуть. Как говорится, сделал дело — гуляй смело.

Эти слова прозвучали с лёгкой, едва уловимой иронией, но я не придавала этому значения. Мы попрощались, и Соня выпорхнула из комнаты, оставив после себя лёгкий шлейф клубничных духов. Андрей задержался на пару секунд дольше, что-то неуверенно поправил в своём рюкзаке, а затем тоже поднялся.

— Ну что, — сказала я, потягиваясь, — как разберётесь со своими делами, заходите. Будем думать, чем заняться.

Когда дверь за Андреем закрылась, я заметила, что под столом, где мы дружно уплетали сладости, лежали две заколки. Чёрно-белые бабочки, упавшие так, что их крылья сложились в почти идеальное сердце. Я подняла их на уровень глаз. Дешёвый пластик оказался холодным и скользким на ощупь. Меня будто током ударило — я резко отбросила заколки на стол, где они звякнули о деревянную столешницу.

Но откуда они?

«Уголёк в костре можно было списать на игру света, карты Таро — на совпадение. Но вот это...»

— Какая-то чертовщина, — прошептала я, чувствуя, как нарастает тягучее напряжение.

Надо рассказать друзьям. Поскорее бы наступил вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.